

Сила отказа от насилия

Стивен Зунс

© AP Images/Greg English

Народные движения, подобные возникшему в 1989 году в Чехословакии, помогли свергнуть множество авторитарных режимов

Вооруженные мятежи дорого обходятся людям. Ненасильственные движения за народовластие добиваются успеха, привлекая внимание к государственным репрессиям и заручаясь поддержкой со стороны колеблющихся граждан.

Стивен Зунс преподает политические дисциплины в Сан-Францисском университете. Является главным редактором книги «Ненасильственные общественные движения» (Blackwell, 1999) и возглавляет комитет научных советников Международного центра по ненасильственным конфликтам.

Кампании ненасильственных действий тысячелетиями являются неотъемлемой частью политической жизни. Их участники бросают вызов злоупотреблениям властью, приводя в движение реформы, требуя положить конец колониальному правлению, выражая протест против милитаризма и дискриминации.

Мохандас Ганди в Индии и Мартин Лютер Кинг в США, которые оба были блестящими стратегами и великими духовными лидерами, пожалуй, являются самыми известными руководителями таких движений. Они не только считали ненасильственные действия самым эффективным средством ведения борьбы, но и пребывали в глубокой уверенности, уходящей корнями в религию, что отказ от насилия является личной этической нормой. Однако во многих отношениях Ганди и Кинг отличались от других своей личной приверженностью принципиальному отказу от насилия, поскольку подавляющее большинство мирных движений и их лидеров не были пацифистами и воспринимали ненасильственные действия как наилучшее стратегическое средство продвижения борьбы.

Black Star/Bob Fitch

Кинг и Ганди восприняли отказ от насилия как принципиально, так и стратегически

Действительно, преимущественно ненасильственная борьба в последние десятилетия не только ведет к значимым политическим и социальным реформам, но и даже позволяет свергать репрессивные режимы и вынуждает руководителей менять саму природу государственного управления. В результате ненасильственное сопротивление превращается из спонтанной стратегии, связанной с религиозными или этическими принципами, в продуманный, даже организационно оформленный метод борьбы.

В самом деле, в последние 30 лет наблюдался примечательный рост числа ненасильственных бунтов против автократов. Преимущественно ненасильственные движения за народовластие обеспечили за этот период продвижение демократических перемен почти в 60 странах, форсировав во многих из этих стран существенные реформы. В других случаях борьба, хотя в итоге она и

подавлялась, тем не менее, бросала серьезные вызовы другим деспотам.

В отличие от вооруженной борьбы, эти ненасильственные мятежи представляют собой движения организованного народного сопротивления государственной власти, которые, сознательно или по необходимости, воздерживаются от применения современных военных средств.

В отличие от традиционных политических движений, ненасильственные кампании обычно применяют тактику, выходящую за рамки основных политических процессов — предвыборной борьбы и лоббирования. К этим тактическим приемам могут относиться забастовки, бойкоты, массовые демонстрации, народное оспаривание общественных мест, отказ платить налоги, уничтожение символов государственной власти (таких, как официальные удостоверения личности), отказ подчиняться приказам должностным лицам (например, ограничениям в связи с комендантским часом) и создание альтернативных институтов политической легитимности и социальной организации.

ПОЧЕМУ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЭФФЕКТИВНЫ

Многие годы предполагалось, что автократические режимы можно свергать только путем народного вооруженного восстания или иностранного военного вмешательства. И все же растет осознание того, что ненасильственные действия могут быть эффективнее насилия. Недавнее академическое исследование 323 крупных мятежей в поддержку самоопределения и свободы от автократического правления за последнее столетие показало, что массовые ненасильственные кампании приводили к успеху в 53 процентах случаев, тогда как кампании с преимущественно насильственным сопротивлением были успешными лишь в 26 процентах случаев (Мария Стефан и Эрик Ченовет. «Почему ненасильственные действия эффективны: логика ненасильственного конфликта», журнал *International Security*, том 33, № 1, лето 2008).

Есть несколько причин, по которым мятежники отказались от вооруженной борьбы, перейдя к ненасильственным действиям. Одна из них — растущее осознание того, что мятежные войны обходятся все дороже. Технология в последние годы дает силам, стремящимся сохранить статус-кво, все больше преимуществ, которые обеспечивают разгром или, по крайней мере, нейтрализацию вооруженных мятежей. Даже когда вооруженное

революционное движение завершается победой, происходит перемещение больших слоев населения, разоряются фермы и деревни, сильный ущерб терпят города и основная инфраструктура страны, обваливается экономика, широкие масштабы приобретает опустошение окружающей среды. В результате все больше людей осознает, что выгоды от вооруженного мятежа, возможно, не стоят его издержек.

Еще одним фактором в пользу отказа от насилия является то, что, придя к власти, победоносные вооруженные движения против диктатур часто терпят неудачу при создании плюралистических, демократических и независимых политических систем, способных поддерживать социально-экономическое развитие и укреплять права человека. Нередко эти недостатки бывают следствием контрреволюционной борьбы, стихийных бедствий, иностранной интервенции, торговых эмбарго и других обстоятельств, не подвластных победоносному народному движению.

Однако выбор вооруженной борьбы в качестве средства прихода к власти, как правило, усугубляет эти проблемы и создает свои собственные. К примеру, вооруженная борьба нередко порождает дух тайного элитного авангарда, принижая демократию и проявляя недостаточно терпимости к плюрализму. Зачастую разногласия, которые можно уладить мирными средствами в невоенизированных учреждениях, приводят к кровопролитным столкновениям между группировками. Некоторые страны переживали военные перевороты или гражданские войны вскоре после того, как вооруженные революционные движения свергали колониалистов или местных диктаторов. Другие становились слишком зависимыми от поставок иностранного оружия, необходимо для удержания власти.

Растет и осознание того, что вооруженное сопротивление, как правило, пугает колеблющиеся группы населения, которые затем ищут защиты у власти. Сталкиваясь с насильственным мятежом, правительство может легко оправдать свои репрессии. Но применение силы против безоружных движений сопротивления обычно вызывает более сочувственное отношение к оппонентам правительства. Некоторые сравнивают этот феномен с боевым искусством айкидо в том смысле, что оппозиционное движение использует мощь государственных репрессий для достижения своих целей.

Кроме того, мирные кампании, пользуясь поддержкой популярного движения со стороны большинства, привлекают гораздо больше участников помимо крепких

молодых людей, обычно попадающих в ряды вооруженных партизан. Безоружное сопротивление стимулирует создание альтернативных институтов, которые еще сильнее подрывают репрессивный статус-кво и формируют основу для нового независимого демократического строя.

Вооруженное сопротивление часто приводит к обратным результатам, поскольку применение репрессивной тактики становится законным. Насилие со стороны оппозиции нередко приветствуется авторитарными правительствами и даже поощряется с помощью провокаторов, поскольку затем оно служит оправданием для государственных репрессий. Но применение государством силы против безоружных диссидентов часто становится поворотным пунктом в ненасильственной борьбе. Организованное властями нападение на мирных демонстрантов может стать искрой, которая превращает отдельные акции протеста в полномасштабное восстание.

ПОСЕЯТЬ РАСКОЛ

Безоружные движения сопротивления, как правило, также сеют раскол в проправительственных кругах. Часто возникают разногласия по вопросу о том, как противодействовать сопротивлению, поскольку немногие правительства готовы бороться с невооруженными бунтами так же решительно, как с вооруженными восстаниями. Насильственное подавление мирного движения зачастую может менять представления народа и элиты о легитимности власти. Именно поэтому государственные должностные лица обычно применяют меньше репрессий против ненасильственных движений. Кроме того, некоторые проправительственные элементы меньше беспокоятся о последствиях компромисса с мятежниками, если их сопротивление носит мирный характер.

Безоружные движения также повышают вероятность дезертирства и отказа от сотрудничества с властями среди незаинтересованных полицейских и военнослужащих, тогда как вооруженные восстания придают законный характер применяемому властями аппарату принуждения, усиливая его представление о себе как о защитнике гражданского общества. Нравственная сила отказа от насилия играет решающую роль в способности оппозиционного движения изменить настроения ключевых сторон — общественности, политических элит и военных, большинству из которых нетрудно поддержать применение силы против вооруженных восстаний.

Способность ненасильственного сопротивления эффективно вносить раскол в ряды сторонников статус-кво проявляется не только в том, что правительственные войска становятся менее дееспособными, но и в том, что меняется настроение во всей стране и даже среди иностранных действующих лиц, как в случае борьбы против апартеида в ЮАР. Изображения мирных демонстрантов, в том числе белых, священнослужителей и других «авторитетных граждан», передаваемые по телевидению на весь мир, придали легитимность силам борьбы с апартеидом и подорвали позиции правительства ЮАР, чего невозможно было бы добиться вооруженным путем. С нарастанием ненасильственного сопротивления внутри страны внешнее давление в форме экономических санкций и других проявлений солидарности международного сообщества увеличило издержки сохранения системы апартеида.

Вследствие усиления глобальной взаимозависимости иностранная аудитория, следящая за конфликтом, может играть такую же важную роль, как и местное население. Как Ганди обращался к британским гражданам в Манчестере и Лондоне, так и организаторы движения за гражданские права на Юге США апеллировали ко всей стране, особенно к администрации президента Джона Кеннеди.

В странах советского блока мятежный дух распространился с телевизионными программами, которые способствовали распространению новостей среди разных стран, придавая законный вид местным акциям протеста, более не казавшимся разрозненными событиями, организованными диссидентами с нестабильной психикой. Выдающаяся роль мировых СМИ в ходе народного движения против Маркоса в 1986 году способствовала тому, что правительство США было вынуждено свернуть поддержку, которое оно оказывало филиппинскому диктатору. Подавление Израилем ненасильственных акций протеста палестинцев во время первой интифады конца 1980-х годов породило беспрецедентное международное сочувствие их борьбе против иностранной военной оккупации. Как заметил американский исследователь палестинского происхождения Рашид Халиди, палестинцам «наконец удалось донести реальность своих страданий до мирового общественного мнения».

Будучи активным компонентом ненасильственного сопротивления, создание альтернативных структур служит моральной и практической опорой усилиям, направленным на осуществление коренных изменений в обществе. Параллельные структуры в гражданском обществе

могут сделать государственный контроль бессильным, как это было по всей Восточной Европе накануне событий 1989 года.

На Филиппинах Фердинанд Маркос потерял власть в 1986 году не в результате разгрома его войск и штурма дворца Малакананг, а из-за того, что его власть перестала пользоваться поддержкой населения, и дворец стал единственной частью страны, которую он мог реально контролировать. В тот же день, когда Маркос на государственной церемонии был приведен к присяге на очередной президентский срок, его оппонент — Корасон Акино, вдова убитого оппонента Маркоса, — была символически приведена к присяге в качестве народного президента. Поскольку большинство филиппинцев считало избрание Маркоса сфабрикованным, подавляющее большинство перешло на сторону президента Акино, а не президента Маркоса. Переход верных сторонников от одного источника власти и легитимности к другому — ключевой элемент успешного ненасильственного восстания.

В ходе успешной ненасильственной революции и при достаточно активном участии народа политическая власть может быть отобрана у государства и передана институтам гражданского общества, поскольку эти параллельные институты становятся все более эффективными и легитимными. Государство может оказаться бессильным и остаться не у дел, если параллельные неправительственные институты будут брать на себя все больше задач по управлению обществом, обслуживанию населения и созданию дееспособных эквивалентов государственным институтам.

МЕСТНЫЕ КОРНИ

Ссылаясь на финансовую поддержку, оказываемую некоторыми иностранными фондами, финансируемыми западными правительствами, ряду оппозиционных групп, которые позднее приняли участие в так называемых цветных революциях в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, некоторые авторитарные режимы отказывают этим демократическим движениям в народной легитимности, утверждая, что это были просто «мягкие перевороты», устроенные Соединенными Штатами или другими западными державами. Однако подобное финансирование извне может вызвать мирную либерально-демократическую революцию не в большей мере, чем советская финансовая и материальная поддержка левых движений в прежние десятилетия могла

вызвать вооруженную социалистическую революцию. Один бирманский правозащитник, говоря о вековой традиции народного сопротивления в своей стране, отметил, что сама идея того, что иностранец может манипулировать бирманским народом, вовлекая его в кампанию ненасильственных действий, напоминает фразу «поучить бабушку чистить лук».

Успешные революции, какой бы ни была их идеологическая ориентация, являются результатом определенных объективных условий. Действительно, никакие деньги не заставят сотни тысяч людей покинуть свои рабочие места, дома, школы и семьи, чтобы противостоять вооруженным до зубов полицейским и танкам и рисковать жизнью, если у них нет искренних мотивов.

История знает немало примеров того, как иностранные державы способствовали смене режимов путем военных вторжений, государственных переворотов и других форм насильственного захвата власти недемократическим меньшинством. Мирные движения за народовластие наоборот делают смену режима возможной благодаря тому, что дают право голоса демократическому большинству.

Нет единой формулы успеха, которую могли бы составить иностранное правительство или иностранная неправительственная организация, потому что история, культура и политические пристрастия каждой страны уникальны. Никакое иностранное правительство или НПО не смогут привлечь или мобилизовать большое количество рядовых граждан, необходимое для того, чтобы построить движение, способное бросить реальный вызов сложившемуся политическому руководству, а тем более — свергнуть правительство.

В результате самую большую надежду на продвижение свободы и демократии среди угнетенных народов мира дает не вооруженная борьба и не вмешательство иностранных держав, а демократические организации гражданского общества, предпринимающие стратегические ненасильственные действия. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.